

АРТЁМ РАДИН

ПОКА ТЫ СПИШЬ

ОН СПИТ РЯДОМ.
ДРУГОЙ ЖИВЁТ ЗА НЕГО.

Артём Радин

Пока ты спишь

«Автор»

2026

Радин А.

Пока ты спишь / А. Радин — «Автор», 2026

После несчастного случая Илья возвращается домой, и Лена надеется, что самое страшное позади. Но по утрам на его ботинках появляется свежая глина. Муж ничего не помнит, а камера в спальне подтверждает: ночью он не вставал. В те же минуты запись у подъезда показывает, как он выходит на улицу. Незнакомая женщина утверждает, что ночной гость — её муж, погибший четыре года назад. У него лицо Ильи, но он помнит их общую жизнь и знает то, чего чужой человек знать не мог. С каждым появлением ночной гость становится сильнее, а Илья теряет силы. Лене нужно понять, как остановить возвращения, пока человек с лицом её мужа не занял его место в семье.

© Радин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвёртая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Артём Радин

Пока ты спишь

Глава первая

Глина обнаружилась, когда Лена потянулась за своей рабочей сумкой. Ильины ботинки стояли поперёк прохода, хотя вечером она убрала их на нижнюю полку, и от правого тянулся серый след к кухне. На линолеуме глина подсохла, зато в глубокой выемке каблука оставалась мягкой; Лена задела её пальцем и почувствовала холод. Она машинально вытерла руку о пакет с мусором, потом остановилась. Вчера муж вернулся из больницы в этих ботинках, но подошвы она отмыла ещё до того, как он дошёл до спальни.

Из кухни доносился стук ложки о чашку. Даша делала себе какао и опять набрала воды почти до края, собираясь потом разбавить молоком. За девять дней, пока Илья лежал в больнице, она научилась завтракать без чужих указаний; теперь Лена с трудом удерживалась от того, чтобы убрать чашку из её рук и сделать всё правильно.

— Папа вставал ночью? — спросила она.

— В туалет, наверное. Я спала.

— Ты же говорила, до двух не могла заснуть.

— Я говорила, что долго. Мама, ты меня сейчас в чём подозреваешь?

Лена отступила от ботинок, пропуская дочь. Даша несла чашку двумя руками, как что-то гораздо более важное, чем завтрак. Волосы с одной стороны примялись, с другой топорщились, а поверх футболки она уже надела школьный пиджак; Лена хотела предложить расчёску, но вместо этого попросила не задерживаться после уроков. Дочь посмотрела на неё поверх чашки.

— У нас подготовка к концерту. Я тебе в понедельник говорила.

— Давай на следующей неделе.

— Концерт на следующей неделе. Как я на нём буду, если не приду на репетицию?

В спальне кашлянул Илья. Лена заглянула к нему, и спор остался в кухне вместе с недопитым какао. Муж лежал на боку, подложив ладонь под щеку, в старой синей футболке. Лицо после больницы казалось непривычно чистым: он побрился перед выпиской, и на щеках хорошо был виден желтоватый оттенок кожи. На тумбочке стоял стакан, который Лена вчера наполнила наполовину, чтобы Илья случайно не пролил воду. Он проследил за её взглядом и сел, осторожно упираясь локтем в матрас.

— Я вчера ходил без ходунков и сегодня тоже дойду, — сказал он прежде, чем она успела спросить. — Не надо сторожить.

— Я не про это. Ты ночью на улицу выходил?

Илья посмотрел на окно, где октябрьский рассвет едва отделял стекло от рамы.

— Куда? В магазин за мороженым?

Она рассказала о ботинках. Он некоторое время молчал, словно проверял внутри себя место, в котором могла храниться ночная прогулка, потом покачал головой. В больнице его предупреждали, что первые дни многое будет казаться странным: слабость, забывчивость, одышка после нескольких ступеней. Лена помнила разговор лучше него и уже собралась повторить, но муж опередил её.

— После машины осталось. Меня Глеб до подъезда довёз, у него под ногами земля. Ты всю подошву выковыряла?

Она действительно чистила ботинки торопливо. Илья тогда стоял, держась за обувную тумбу, и она боялась, что он упадёт. Сейчас можно было согласиться, вымыть пол и отправиться в мастерскую; заказ на восемь кресел никто не отменял, а Вика вчера вечером спросила,

когда ждать ещё две готовые спинки. Лена сказала, что к обеду, хотя на обе спинки требовалась почти целая смена.

— Пол вымою я, — сказал Илья. — Тряпка где была, там и лежит?

— Ты нагнёшься, у тебя голова закружится.

— Тогда полежу на грязном полу. Лена, мне сорок один год.

Даша, пришедшая попрощаться, поцеловала отца в висок и задержалась возле него. Он поправил ей воротник пиджака, спросил о репетиции и, выслушав, кивнул. Лена услышала в этом кивке согласие на то, что сама только что пыталась запретить. Она почувствовала злость и сразу же стыд: мужа девять дней спасали, отогревали, лечили, а она обижалась на воротник дочернего пиджака.

— До половины пятого, — сказала она. — Потом напиши мне.

В мастерской пахло поролоном и вчерашним кофе. На раскройном столе лежала бархатистая серая ткань, которую заказчик называл «цвет мокрого асфальта», а Вика — «ничего не видно, пока не проведёшь рукой». Лена провела. По ворсу выступили две светлые полосы, и сразу обнаружилось, что деталь для правой спинки выкроена против направления остальных. Её собственная ошибка; вчера она стояла у стола и одновременно слушала по телефону, как Илья объясняет, почему не собирается покупать специальный стул для душа.

— Есть остаток? — спросила Вика, появившаяся с блокнотом в руке.

— Есть. На одну хватит.

— На подлокотники не хватит.

Они развернули рулон вдвоём. На кромке была наклеена бумажка с фамилией хозяина кафе; ткань он привёз сам, и новую требовалось заказывать в другом городе. Вика не повысила голос, только поправила очки и села на край стола. От этой спокойной усталости Лене стало хуже, чем от возможного выговора.

— Я могу сегодня остаться, — сказала она.

— Ткань от твоего присутствия длиннее не станет. Позвони ему, объясни. Я на прошлой неделе дважды объясняла, почему мы переносим срок. Сегодня объяснишь ты.

Заказчик долго говорил о пятничном открытии, о рекламе, за которую уже заплатил, и о том, что нельзя встречать людей на голом поролоне. Лена стояла между раскройным столом и стеной, прижимая телефон плечом, а Вика показывала пальцем, какой кусок ещё можно снять с припуска. Приходилось одновременно соглашаться с человеком в трубке и считать сантиметры. Под конец Лена предложила временную обивку для одного кресла за свой счёт. Он замолчал, наконец спросил, будет ли это очень заметно, и они договорились встретиться вечером.

В перерыв она позвонила Кириллу Власову, врачу, чей номер получила при выписке. О ботинках рассказывать не стала. Спросила о слабости и забывчивости, получила время приёма на завтра и записала его на обороте выкройки. Затем позвонила Илье. Он ответил не сразу, и за четыре длинных гудка Лена успела представить ванную, мокрый кафель и его руку, которая никак не дотянется до крана.

— Я выключатель снимал, — объяснил он. — Тот, который трещит у входа. Надо кнопку поменять.

— Ты обещал отдыхать.

— А я на стуле сижу. Хочешь, фотографию пришлю?

Лена хотела сказать, что не надо шутить с ней так, но в трубке что-то звякнуло, и Илья выругался на маленький винт, укатившийся под холодильник. За семнадцать лет она привыкла слышать этот голос из-под раковины, из прихожей, с балкона, где Илья пытался уместить велосипеды. Он сердился на укатившийся винт, как сердился всегда, и Лена слушала, уже не перебивая его вопросами.

К семи они всё-таки поужинали втроём. Илья ел мало, зато рассказал, как санитар в больнице перепутал палаты и принёс ему судно, хотя просили зарядку для телефона. Даша засмеялась первой; Лена рассмеялась вслед за ней и почувствовала, как напряжение, целый день державшее её плечи, немного ослабло. За окном моросило, батарея у стола щёлкала, в тарелке оставались слишком крупно нарезанные огурцы. Лена подумала, что завтра нарежет огурцы мельче и попросит Илью стравить батарею. На секунду ей удалось представить завтрашний вечер без больничного коридора.

Потом Илья попросил инструменты. Новый выключатель оказался чуть шире старого, и крышка плохо садилась. Он снял напряжение, проверил индикатором, работал медленно, останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Лена стояла поблизости с полотенцем, которое держала неизвестно зачем. Когда он велел ей перестать смотреть на него, она пошла собирать посуду. Через десять минут свет в прихожей зажёгся без прежнего сухого треска.

— Вот, — сказал Илья. — Теперь хоть одна вещь в этом доме здорова.

Он улыбался и смотрел на неё; Лена с трудом улыбнулась в ответ, надеясь, что он не заметит усилия. Когда муж уснул, Лена долго сидела рядом с раскрытым расписанием лекарств и завтрашней выкройкой. Нужно было вставить врачебный приём между двумя примерками обивки, попросить Вику принять курьера, перевести матери деньги на продукты: Римма Павловна дважды кормила Дашу, пока Лена ездила в больницу, и теперь делала вид, будто ничего не потратила. На кухне дочь тихо разговаривала с подругой о школьном концерте. Лена прислушалась к дочери: та спорила, кому достанется место у пульта. Хотелось пойти и обнять её, но Даша говорила так увлечённо, что Лена осталась сидеть.

Звонок в дверь прозвучал без четверти десять. На площадке стоял Кузьмич в тёплой жилетке поверх рубашки. В руках он держал пустой пакет: вышел к мусоропроводу, но, очевидно, отложил своё дело ради разговора.

— Скажите Илье, пусть через газон больше не срезает, — сказал он. — Там провал возле трубы, сейчас водой залило. Опять улетит куда-нибудь.

— Он сегодня не выходил.

— Сегодня я и не видел. Прошлой ночью видел, на записи. Полвторого примерно. Я машину смотрел, опять кто-то зеркала крутит. Он прямо через мокрое пошёл. Без шапки.

Лена оглянулась на освещённую прихожую. Ботинки стояли на полке, чистые, носками наружу; Илья выполнил обещание и вымыл их сам.

— Может, вы спутали? У нас в соседнем подъезде похожий мужчина.

— Возможно. Я ему написал бы, только номер его старый потерял. Спросите сами.

Кузьмич ушёл, шаркая домашними туфлями. Лена закрыла дверь, удерживая ручку опущенной, затем осторожно отпустила её и прошла в спальню. Илья спал в той же позе, в какой она оставила его час назад. На стуле висела куртка, которую ему велели надевать даже на короткий выход: после воды организм ещё плохо держал тепло. Лена подняла её за ворот, понюхала. Ткань пахла домом, стиральным порошком и чем-то сырым возле подола. Она вернула куртку на стул и не стала будить мужа. Завтра он должен был ответить ей, куда ходил человек, которого сосед видел у подъезда.

Глава вторая

Утром Илья выслушал её, пока каша остывала в тарелке. Он держал ложку, но ни разу не поднёс ко рту. Лена приготовилась к раздражению, к вопросу, почему она обсуждает его с соседом, однако муж попросил сначала посмотреть запись. У него оставался кусок времени, которого он не помнил после падения: холодная вода, свет в низком оконце, чужие руки, потом машина скорой. Другая прореха в памяти пугала его сильнее самой возможности выйти ночью.

— Если я куда-то хожу, надо понять, как остановить, — сказал он. — И ключи убрать. Только сначала посмотрим.

Кузьмич открыл в десять, с полотенцем на плече. На кухне у него работало радио, а ноутбук стоял между сахарницей и коробкой с таблетками. Камера над подъездом записывала на карту; Кузьмич забирал нужные куски, потому что однажды запись исчезла при очередном заполнении памяти. Илью он встретил как давнего знакомого, но притих, увидев, с каким трудом тот переступает порог.

На экране было темно и тесно. Фонарь возле подъезда давал белое пятно, остальной двор терялся за наклонной полосой дождя. В углу стояло время: 01:26. Из двери вышел мужчина в Илькиной куртке. Он задержался под козырьком, застёгивая молнию, и свет упал на его лицо. Лена подвинула ноутбук к мужу. Тот наклонился, прижимая ладонь к груди.

— Я, — сказал он. — Дальше есть?

Мужчина прошёл к газону, обошёл дерево и исчез из кадра. Кузьмич перемотал запись, но Лена попросила оставить первый просмотр. Ей хватало лица и того, как человек приподнял правое плечо, чтобы куртка легче села. Илья всегда делал это, собираясь на работу.

— Может, после больницы лунатишь, — осторожно предложил Кузьмич. — У моего брата в молодости было. Мать двери на цепь закрывала.

— А вернулся когда? — спросил Илья.

Обратного пути камера не видела: после трёх дождь залил объектив, и на записи расплылся светлый туман. Кузьмич дал им исходный файл вместе с утренним отрывком. Лена обещала не выкладывать запись в сеть. Это обещание почему-то облегчило Илье возвращение через площадку; он сам нажал кнопку лифта и пошутил, что теперь сосед имеет компромат до конца жизни.

Власов на приёме выслушал рассказ без улыбки. Спросил, что Илья принимает, насколько крепко спит, бывали ли похожие эпизоды раньше. Лена попыталась ответить за мужа, но врач смотрел на Илью, и она положила расписание на стол. Илья говорил медленно, не скрывая, что боится снова оказаться на улице; раздражался только, когда вопрос переходил к алкоголю.

— Я не обвиняю вас, — сказал Власов. — Мне нужны обстоятельства, которые могут влиять на сон. Пока мы не знаем, была ли прогулка сознательной.

Он осмотрел Илью, назначил обследование и предложил записать ночь дома, если муж согласен. При повторении или ухудшении можно будет организовать наблюдение. Лена спросила, не лучше ли оставить его в больнице прямо сейчас, и Илья повернулся к ней. Власов выдержал паузу, затем объяснил, какие перемены потребуют срочной помощи. Обсуждение закончилось тем, что Илья сам записал его номер в телефон.

Даша принесла маленькую камеру, которую они когда-то купили, чтобы присматривать за котом во время отпуска. Кот прожил у них три месяца, потом ушёл к Римме Павловне и остался; устройство лежало в шкафу среди зарядок и старых пультов. Пароль никто не помнил. Дочь сбросила настройки по бумажной инструкции, потратила полчаса на соединение и установила камеру на комод. В кадре целиком помещалась кровать; дверь спальни и прихожая оставались за его краем.

— В ванную она не смотрит, — сообщила Даша отцу. — И звук можно выключить. Я проверила.

— Звук оставим. Вдруг я песни пою.

Он пытался разговаривать с ней привычно, но дочь не подхватывала шуток. Она поставила телефон на кровать, попросила его лечь, повернуться на другой бок, сесть. Лицо оставалось видно в каждой позе. Лена следила за изображением с таким облегчением, словно возможность увидеть комнату из кухни уже возвращала контроль. Даша заметила это и нахмурилась.

— Только не надо потом всё время смотреть. Папа ещё здесь живёт.

— Я знаю.

— Ты говоришь, что знаешь, и ходишь за ним даже до туалета.

Илья поднял руку, останавливая их, и спросил дочь о концерте. Она объяснила, что ей достался свет за кулисами, потому что выступать она отказалась. Разговор сместился к испорченному удлинителю в актовом зале. Лена вышла на кухню, позволив им говорить без неё. На телефоне оставалось изображение спальни. Она положила его экраном вниз, но продолжала прислушиваться: не кашляет ли Илья, не оборвалась ли его речь. Даша заметила то, чего сама Лена уже не замечала.

На ночь ключи повесили на привычный крючок. Куртку из спальни Лена перенесла на стул в прихожей, под шарф; брюки и свитер, приготовленные на завтра, убрала в прихожий шкаф. Ботинки оставили на полке, входную дверь закрыли на оба замка. Илья лично проверил, что защёлка отпирается изнутри; никому не хотелось сделать квартиру ловушкой на случай пожара. Лена легла рядом с ним, погасила свет и старалась дышать ровно, чтобы его не тревожить. Муж держал её руку, пока не заснул, и она долго лежала, глядя на крошечный огонёк камеры.

Проснулась она в половине четвёртого. Илья лежал рядом, влажный от пота, и говорил что-то без слов. Она положила ладонь на его плечо, позвала, услышала невнятное «что» и попросила повернуться. Он повернулся, так и не открыв глаз; когда она спросила, холодно ли ему, уже не ответил. С кухни тянуло холодом: Лена оставила форточку открытой и пошла закрыть, надеясь, что дело именно в ней. В прихожей ботинок не было. Куртка исчезла со стула, зато шарф оставался на спинке, сложенный вдвое. Лена вернулась в комнату и села на край кровати, ощущая под пальцами тёплую руку мужа.

Утром Даша ушла на репетицию до уроков. Илья, едва проснувшись, спросил о записи, и Лена рассказала ему о пропавшей одежде. Он потрогал футболку, словно хотел убедиться, что вернулся именно в ней, затем сел перед экраном. В 01:17 он переворачивался на левый бок. В 01:29 Лена поднимала руку к лицу. В 01:34 Илья кашлянул во сне, а она подоткнула ему одеяло. Изображение было достаточно ясным, чтобы различать Ильино лицо. Лена промотала запись от самого вечера: муж не вставал. Как исчезли вещи, камера показать не могла — она снимала только кровать, а одежда и ботинки оставались в прихожей.

Кузьмич нашёл новый отрывок без их просьбы. Позвонил, сказал, что человек снова выходил, и переслал файл. На новой соседской записи часы показывали 01:44, в спальне в эту минуту Илья лежал неподвижно. Лена посмотрела одну запись, затем другую; муж молчал. Часы двух устройств могли расходиться. Лена проверила время на телефоне, потом ещё раз посмотрела на цифры в углу соседской записи. Если камера сильно отставала, Илья успел бы вернуться и лечь. Она позвала Кузьмича, не отрываясь от экранов.

Кузьмич пришёл с ноутбуком и долго искал меню настройки, но обнаруженная разница не решала вопроса: часы могли отставать иначе во время записи. Тогда Лена вспомнила, что Даша утром звонила ей от подъезда, когда забыла папку для рисунков. В комнате камера записала звук телефона, а соседская — дочь, которая в ту же секунду остановилась и приложила аппарат к уху. Сверив события, они установили смещение в одиннадцать минут. Мужчина выходил в 01:55 по домашним часам.

Лена подвинула ползунок до нужной минуты. Спящий Илья лежал лицом к ней. Она увидела себя: ступня высунулась из-под одеяла, она подтянула её обратно. На другом экране её муж поднимал плечо под курткой, сходил с бетонной ступени и оглядывался на двор.

Кузьмич закрыл рот ладонью. Ни один из них не заговорил, пока обе записи не закончились. Илья попросил соседа уйти, поблагодарил и проводил до двери. Он шёл медленно, но на этот раз не попросил её подать руку. Лена поднялась следом и остановилась, когда он сам открыл дверь соседу.

— Даше сегодня к твоей маме, — сказал он, вернувшись. — Не в наказание за камеру. Пусть переночует.

Лена согласилась. Она хотела обнять его, но остановилась возле стола, ожидая, разрешит ли он. Илья сам протянул руку, и ей стало стыдно за эту осторожность: рядом был человек, с которым она делила постель, воспитание дочери, просроченный кредит за ремонт кухни. Она знала толщину шрама у него на колене и запах его мокрых волос.

— Я ведь утром открываю глаза, — сказал он. — А он, получается, тоже. Где он тогда бывает?

Лена сжала его пальцы. Он всё ещё смотрел на погасший экран, и ей пришлось наклониться, чтобы он увидел её лицо. Поиски вещей она отложила до дня: муж попросил её пока никуда не уходить.

Глава третья

Пропавшие вещи нашлись у дворника. Куртку, брюки, тонкий свитер, ботинки и связку ключей он поднял в мокрой траве за домом, где проходила узкая тропа к улице Садовой. Лена только здесь узнала, что из шкафа исчезла и одежда: утром она искала лишь то, что бросалось в глаза. Кузьмич узнал куртку и привёл Лену в подвальное помещение, пахнувшее железом и кошачьим кормом. Дворник повесил находку на трубу отопления; из рукава капало в таз. Он решил, что кто-то ограбил пьяного, и собирался отнести ключи участковому.

— Человека вы не видели? — спросила Лена.

— Если бы видел, спросил бы, зачем ботинки снимает. Здесь лужа по щиколотку.

Она забрала вещи, не объясняя, почему для неё хуже всего оказались ключи. Один был от квартиры Риммы Павловны. Когда Илья спал, чужой человек мог открыть и её дверь. Дома Лена заменила связку: оставила один квартирный ключ, остальные спрятала в рабочую сумку. Илья наблюдал за ней с кухни. Они уже договорились, что следующую ночь проведут с Викой; теперь он спросил, нельзя ли пригласить кого-то ещё, кто сможет удержать его, если понадобится.

— Ты остаёшься в кровати, — напомнила она.

— Пока остаюсь. Это мы видели один раз.

Он боялся не только за себя, и Лена не знала, чем ответить, кроме обещания разбудить сразу, если случится что-то опасное. Римма Павловна забрала Дашу после школы. Дочь знала о двух записях: Илья рассказал сам, сев возле неё на диван. Она спросила, не могут ли у камеры быть «такие помехи», и отец сказал, что они проверят ещё раз. Лена увидела, как Даша тронула пальцами его локоть, проверяя плотность руки.

— Я завтра вернусь за учебником, — заявила дочь перед уходом.

— Позвони сначала, — попросила Лена.

Даша посмотрела на неё, потом на отца и кивнула. У двери Римма Павловна шепнула, что детей так пугать нельзя, а ночью, когда Вика уже пришла с термосом, позвонила и спросила, не нужен ли ещё кто-нибудь. Лена поняла: мать тоже не сумела подобрать своё простое объяснение.

Вика принесла сменные носки и пакет со сдобой, как на обычную ночную работу перед сдачей заказа. Но термос поставила слишком осторожно, двумя руками, и долго смотрела на камеру. Она видела записи днём, всё же попросила открыть обе ещё раз. Илья сидел рядом и терпел. Когда на соседской записи появилось Ильино лицо, Вика тихо выругалась, а он впервые за вечер засмеялся.

— Спасибо. Я примерно так и подумал.

Они распределили роли за кухонным столом. Вика остаётся у кровати, Лена выходит на площадку и во двор, если камера Кузьмича покажет ночного человека. Сосед согласился следить за своей записью, но вмешиваться не должен был. Телефоны зарядили, проверили связь. Илья потребовал, чтобы Лена не пыталась его хватать.

— Ты выйдешь и поговоришь. Не понравится — Вика будит меня. А если он на тебя бросится, сразу беги к подъезду.

— Я не собираюсь с ним драться.

— Всё равно говорю. Мне надо, чтобы ты обещала.

Она обещала. Илья лёг после полуночи, долго ворочался, сердясь на бессонницу; само ожидание делало сон недоступным. Вика сидела возле комода с книгой, которую не открывала, Лена на кухне ремонтировала молнию Дашиной куртки. Из спальни было слышно, как муж просит воды, как Вика переставляет стакан. Потом звуки прекратились. Лена убрала иглу в

подушечку, закрыла ножницы и отодвинула их от края стола, чтобы в спешке ничего не смахнуть на пол.

В 01:18 Кузьмич написал: «На лестнице». Лена посмотрела в спальню. Илья спал, повернув голову к двери, одна рука лежала поверх одеяла. Вика подняла глаза, показала ей ладонью, что всё видит. Лена застегнула пальто и вышла, стараясь не греметь замком. У лифта ей вдруг захотелось позвонить мужу: сказать, что она идёт встречать человека, похожего на него, и пусть он будет поблизости. Она нажала кнопку первого этажа, переждав нелепое желание.

Мужчина стоял под козырьком, прислушиваясь к дождю. На нём была та самая куртка, которую она высушила, брюки, тонкий свитер и ботинки, отмытые второй раз. Он засунул руки в карманы, не сразу оглянувшись на звук двери. Вблизи лицо показалось старше Ильино: складки возле рта углубились, взгляд дольше задерживался на незнакомом. Лена остановилась в трёх шагах.

— Илья.

Он дёрнулся, будто она назвала его другим именем, потом посмотрел на окна.

— Вы за мной?

— Я твоя жена.

— Я знаю, — сказал он после паузы. — Елена.

Муж никогда не называл её полным именем, кроме разговоров с посторонними. Лена услышала это и почти утратила равновесие; пришлось опереться ладонью о холодный простенок возле двери. Мужчина сделал шаг, словно хотел помочь, и остановился. В его лице было растерянное сочувствие, которое она могла бы принять за доброту, не будь он одет в вещи спящего мужа.

— Куда ты идёшь?

— Домой.

— Это наш дом. Ты отсюда вышел.

Он поправил воротник, разгладил его ладонью снизу вверх. Илья так не делал. Лена поймала себя на учёте жестов, как на работе учитывала стежки: если собрать достаточно различий, станет легче понять, с кем она говорит.

— Мне надо пройти, — сказал мужчина. — Я никому не мешаю.

— Мешаешь. В моей квартире лежит человек, у которого ты взял одежду.

Он глянул на куртку, потянул за край рукава и снова посмотрел на Лену. Казалось, только теперь заметил, во что одет. Ей захотелось задать десяток вопросов сразу: где он был до этого, откуда знает её имя, сколько времени ему отпущено. Вместо этого она спросила, что ему нужно от Ильи. Мужчина сжал пальцы в кармане; кольцо с единственным ключом тихо звякнуло.

— Мне ничего от него не нужно. Я выйду на улицу, вы пойдёте к себе, и...

— Вика, — сказала Лена в телефон, который держала у уха. — Он здесь. Илья с тобой?

— Спит. Я держу его за руку.

Ночной человек услышал ответ. На лице мелькнул страх, и он протянул ладонь к телефону.

— Не надо. Подождите минуту.

Лена отступила. Он опустил руку, торопливо заговорил о женщине, которая ждёт его, но чужая близость, знакомые глаза и эта попытка добраться до телефона заставили Лену произвести то, о чём они условились:

— Буди.

Вика позвала Илью. В трубке скрипнула кровать, послышалось раздражённое «чего», затем он спросил, почему у кровати Вика, и одновременно мужчина под козырьком будто потерял глубину. Лена успела увидеть край тёмного подъездного окна сквозь его плечо. Куртка провисла, свитер и брюки опали внутрь неё, ботинки со стуком упали набок, ключ звякнул по

ступени. Там, где стоял человек, осталась дрожащая ткань рукава. Лена прижала телефон к уху, слыша, как Вика говорит мужу, что всё хорошо, он проснулся.

Пакет для вещей пришлось взять у Кузьмича. Сосед стоял у раскрытого окна первого этажа и видел только падение куртки: козырёк закрывал от него человека. Он спустился, поблуднев, и держал фонарь, пока Лена собирала ботинки. Она не могла заставить себя надеть перчатки; пальцы не попадали в узкую манжету, когда она проверяла, нет ли внутри руки. Кузьмич молча подставил пакет, и она сложила всё, включая одинокий ключ.

В спальне Илья сидел, обнимая подушку. Вика укрыла ему плечи пледом; лицо у неё стало серым от усталости. Лена поставила пакет у комода, подошла к мужу и впервые за два дня обняла без осторожности. Он прижал её к себе, но сразу ослабил руки: не хватало сил. Она села рядом, чтобы ему не пришлось её удерживать.

— Ты его видела? — спросил он.

Она рассказала, не скрывая ни одного вопроса, на который не получила ответа. Когда дошла до исчезновения, Илья смотрел на принесённые вещи. Он попросил Вику проверить время звонка, затем сказал, что утром снова свяжется с врачом. Это решение, произнесённое обычным голосом, помогло Лене больше, чем вся их подготовка: муж оставался человеком, который мог решать.

Вика ушла на кухню поставить чайник. Илья спросил, был ли ночной человек похож на него только лицом. Лена подумала о плече под курткой, о полной форме её имени, о взгляде на телефон и сказала, что похож, но не во всём.

— Он сказал, что его ждёт женщина.

Муж опустил глаза, отпустил её руку и разгладил пальцами наволочку. Лена умолкла, не зная, нужно ли теперь повторить, что Вика не отходила от него.

— Ты мне веришь?

— Вика держала твою руку. Я слышала, как ты проснулся. Ты был здесь.

Он кивнул, но ей пришлось повторить это ещё раз. Потом они сидели молча, пока чайник в кухне не щёлкнул. Илья попросил поправить плед: край сполз, и плечо мёрзло. Лена укрыла его, а когда Вика принесла чай, взяла чашку за доньшко, пока он устраивал пальцы в ручке.

Глава четвёртая

Первого ноября Лена пришла в мастерскую с пакетом, в котором лежала чистая наволочка, и только возле двери вспомнила, что собиралась принести её матери. Вика ещё не открыла роллету; ключ повернулся в замке с привычным усилием, и Лена подняла тяжёлую железную штору, упиравшись плечом. Улица была пустой, мокрые листья приклеились к решётке ливневого стока. После ночи у подъезда она стала обходить вещи, похожие на сброшенную одежду, и серый пакет возле колеса чужой машины заставил её задержать шаг.

Внутри всё ждало её рук. Кафе открылось в пятницу с подменными стульями, одолженными у соседей; теперь заказчик ждал своих кресел и уже не соглашался переносить окончательный срок. Два кресла оставались без спинок, временная обивка на третьем собралась складкой, за которую он вчера требовал скидку. Лена сняла скобы, натянула ткань заново и только после первого удачного шва почувствовала, что находится на работе. Материал подчинялся размеру и направлению; если ошибиться, ошибка оставалась видна, её можно было исправить, заплатив временем или новым куском ткани.

Вика принесла кофе в бумажных стаканах. Они пили стоя, возле стола, и старались не говорить о прошедшей ночи. Но когда Лена попросила ножницы, Вика перепутала их с плоскогубцами, рассердилась на себя и отложила оба инструмента.

— Я утром у себя шкаф проверила, — призналась она. — Знаю, что глупость. Открыла и посмотрела, все ли куртки висят.

Лена поняла её. Они посмеялись без веселья и распределили оставшуюся работу. К полудню нужно было отдать два готовых кресла, к двум Лена обещала забрать Илью на повторный осмотр. Он позвонил сам, сообщил, что собирается, и попросил не торопиться: сидеть одному ему было неприятно, однако он не хотел вытаскивать её из мастерской раньше времени. Лена услышала, сколько труда стоило это обычное разрешение.

До обеда заглянула Даша с бабушкой. Лена утром забрала из квартиры её учебник, и они зашли за ним по дороге в магазин. Римма Павловна остановилась в дверях: для неё мастерская была местом, где дочь постоянно мёрзла и недоедала. Даша прошла к столу, взяла маленький образец ткани и загладила ворс ногтем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.